

ББК: 83.3(2=411.2)6
УДК: 821.161.1

А. С. Кравченкова, И. А. Голованов
A. Kravchenkova, I. Golovanov
г. Челябинск, ЮУрГГПУ
Chelyabinsk, SUSHPU

**АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА
«ТИХИЙ ДОН»**
**ARCHETYPAL MOTIVES IN M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL "QUIET
DON"**

Аннотация: Статья посвящена анализу архетипических мотивов, проявляющихся в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова, и их значению для понимания глубинной структуры произведения. Автор исследует религиозные, фольклорные и стихийные архетипы, которые формируют нарративную и эмоциональную палитру романа, а также определяют характеры и судьбы персонажей.

Ключевые слова: роман «Тихий Дон»; М. А. Шолохов; архетип; архетипический мотив; религиозный мотив; фольклорный мотив; стихийный мотив.

Abstract: The article is devoted to the analysis of archetypal motifs manifested in the novel "Quiet Don" by M.A. Sholokhov, and their significance for understanding the deep structure of the work. The author explores religious, folklore, and elemental archetypes that form the narrative and emotional pages of the novel, as well as determine the characters and fates of the characters.

Keywords: novel "Quiet Don"; M. A. Sholokhov; archetype; archetypal motive; religious motive; folk motive; elemental motive.

Обращение Михаила Александровича Шолохова к фольклорным мотивам объясняется его интересами к народному творчеству. Шолоховед И. Н. Кравченко называет писателя «собирателем и организатором на Дону народного творчества и знатоком казачьего быта и искусства» [1, с. 34]. В связи с этим в романе «Тихий Дон» атмосфера донского казачества создаётся как в событиях крупного масштаба, так и в мельчайших деталях: в походах, атаках, проявляется в труде и на отдыхе. «Шолохов впервые в мировой литературе в романе-эпопее «Тихий Дон» с предельной полнотой и яркостью представил достоверно-живую историю раскола общества, воссозданную с удержанием архетипических фольклорных измерений бытия» [2, с. 46].

Как один из ведущих архетипических фольклорных мотивов можно выделить мотив змееборства. Его можно рассмотреть через призму конфликта между героями и враждебными силами, олицетворяющими зло или хаос. В этом контексте Гражданская война выступает как «дракон» (или чудовище), угрожающий жизни, безопасности и нравственным ценностям, с которым сталкиваются персонажи романа. Как «змей» в произведениях фольклора опустошает земли и разрушает все на своем пути, так и Гражданская война не щадит нико-

го – не осталось в хуторе Татарском семьи, которую бы не обездолила братоубийственная война. Во многом верными оказались слова одного из героев, что «нету казакам больше жизни, и казаков нету!» [5]. Григорий в этом плане выступает в качестве змееборца. Он, как герой, идет на борьбу за свою землю и своих людей. Именно в его образе мы и находим черты богатыря-защитника, он, «большой, мужественный, поживший и много испытавший казачина с усталым прищуром глаз, с порыжелыми кончиками черных усов, с преждевременной сединой на висках и жесткими морщинами на лбу – неистребимыми следами пережитых за годы войны лишений...», выходил на защиту своей малой Родины – Донщины, сражался за ее народ [5, с. 267].

События «Тихого Дона» происходят в условиях социального и исторического хаоса, оказывающего влияние не только на жизнь всего народа, но и на частные судьбы отдельных персонажей. В связи с этим можно выделить архетипический мотив испытаний. В сказках герой проходит ряд препятствий, где последующее более сложное, чем предыдущее. Их началом является уход, «расставание» с близкими, без которого герой не может пройти испытания и показать всю свою внутреннюю красоту. Пройдя всё, герой возвращается домой настолько изменившимся, что часто бывает даже не признан родными. Испытание личной трагедией: Григорий переживает множество потерь – он теряет не только Аксинью, но и родных и друзей, что приводит его к чувству глубокого одиночества. Все испытания меняют героя, мы видим эволюцию его образа: от озорного, беззаботного молодого парня он приходит к грузному, отягощенному жизненными перипетиями мужчине, который осознал цену жизни, счастья и мира.

Во многих сюжетных линиях можно отметить реализацию архетипического значения мотива дома. В фольклоре возвращение домой часто символизирует не только физическое возвращение к родным и завершение долгого пути, но и восстановление собственного мира, поиск утраченной идентичности и прощение. Дом представляет собой космос, в котором человек чувствует себя хорошо, уютно, счастливо; пространство вне дома представляется как некий хаос. Дом для семьи Мелеховых в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» занимает центральное место как в физическом, так и в эмоциональном плане. Это не просто здание, а символ их жизни, культуры и семейных традиций. В условиях войны и революции дом становится ареной конфликтов и страданий. Через дом проходят все сюжетные линии: сквозь него проходит линия фронта, и он неоднократно становится местом, где сталкиваются противоречия между старым и новым, традиционным и современным. Эта трансформация дома отражает кризис, который переживает казачий народ.

Связь М. А. Шолохова с православием трудно оспаривать. Поступки многих героев романа «Тихий Дон» определяются обращением к вечным мотивам, имеющим религиозное звучание.

В системе персонажей Григорий – младший сын, противопоставленный в романе старшему, как «непутевый», блуждающий по жизни, перечаший отцу (и в отношениях с женщинами (мотив непослушания), и в восприятии револю-

ции), – Петру – «путевому», послушному, идущему раз и навсегда выбранной дорогой.

По сюжету в романе воспроизведены основные признаки евангельской ситуации: уход из дома, жизнь во грехе и возвращение в родной хутор в финале романа. При этом Григорий не только преодолевает в себе блудного сына, но и сам становится отцом: в последней сцене романа мы видим его уже со своим сыном на руках. Каждое возвращение домой сигнализирует о качественно ином уровне развития персонажа.

В связи с притчей о блудном сыне в романе актуализируется также притча о мытаре и фарисее. Разные по сюжету, эти рассказы Христа осмыслены Церковью как сходные по смыслу: блудный сын соотнесен с мытарем, и через его образ – с идеями прощения, спасения, исцеления, благодати, с новозаветными нравственными нормами, а его старший брат с фарисеем – и, следовательно, с образами законников (не принявших Христа), с идеями ограниченной справедливости, с ветхозаветной моралью. Весь комплекс этих понятий актуализируется в 4 книге «Тихого Дона» в связи с противостоянием Григория Мелехова и Кошевого. Мишка – «законник», приверженец классовой правды, носитель ветхозаветной морали «око за око, зуб за зуб». Кошевой выступает в роли фарисея, считающего себя вправе осуждать и судить других, ему чужда идея прощения. Свои суждения он противопоставляет евангельским, а себя – Самому Богу. Григорий же, по сути, следует основным идеям Нового Завета. Он является сторонником общей правды, евангельским мытарем, надеющимся на спасение и прощение.

Взаимоотношения между Григорием Мелеховым и Аксиньей в романе можно рассматривать через призму архетипического религиозного мотива, сравнивая их с образами Адама и Евы. В этом контексте их любовная связь и последующие трагические события становятся символом более глубокой метафоры о первородном грехе, утраченной гармонии и искуплении. В. А. Юдин в статье «Православно-христианский аспект эпопеи “Тихий Дон” (к постановке проблемы)» отмечает, что любовь героев неслучайно окрашена «в суровые драматические тона»: «И Григорий, и Аксинья вкусили запретный плод греховной страсти, повторив поступок Адама и Евы» [6]. Гибель Аксиньи – это искупление за греховную жизнь с Григорием, чувствующим к ней искреннюю, но все же несправедливую любовь, из-за которой страдают его жена и родители. Как грехопадение Адама и Евы ведет к изгнанию из рая, так и любовь Григория и Аксиньи сталкивается с жестокими реалиями внешнего мира. Их чувства становятся источником мучительных конфликтов, предательств и утрат, что в конечном итоге приводит к трагическим последствиям, в нашем случае трактуемым в качестве искупления.

Как Иеремия – Седекию, Гришака убеждает повстанческого «генерала» Мелехова в бесполезности сопротивления, апеллируя к словам Бога, к тексту Священного Писания: «Все одно вас изнищожит, а заодно и нас. Бог – он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена библия гласит? А ну, слухай, зараз прочту тебе от Еремии пророка сказание...» [4]. Как и Седекия, Григорий прислушивается к речам деда, но продолжает воевать. Дальнейшие события

развиваются точно по библейской схеме, побеждает противник (вавилоняне / красные), повстанцы не сдаются, Мишка Кошевой выжигает хутора, Седекия / Григорий скрывается от плена / тюрьмы. Исход их борьбы известен. Седекию схватывают, приводят к вавилонскому царю и выкалывают глаза; Мелехов сам возвращается в родной хутор, хорошо осознавая, что советская власть заставит его сполна заплатить за старые долги.

Природные образы изучаются не в отдельности от всего сюжета и героев романа, а в целостном взаимодействии, что расширяет их до архетипического природного мотива стихий. Они выполняют не только эстетическую, но и глубокую символическую функцию, служа метафорой как внутреннего состояния героев, так и социальных изменений, происходящих в их жизни.

Архетипический мотив, связанный со значением воды, воплощен в реке Дон, которая выступает не просто как географический объект, а как символ жизни, времени и вечности. Мелехов часто возвращается к образу реки в моменты эмоционального катарсиса или раздумий. Например, сцены, где Григорий сидит на берегу Дона, полны философских размышлений о судьбе, неведении людей и потоках жизни.

Архетипический мотив степи, родной земли в «Тихом Доне» также обладает многослойным символическим значением. Она символизирует свободу, но одновременно и одиночество. Степь – это пространство, где теряются ориентиры: как физические, так и моральные. Григорий, находясь среди бескрайних полей, ощущает масштаб своей утраты и разочарования, при этом только единение со знакомыми просторами дает ему успокоение: «Григорий лежал... Странное чувство отрешенности и успокоения испытывал он, прижимаясь всем телом к жесткой земле» [5].

Архетипический мотив огня в романе символизирует разрушение и очищение. Сцены с огнем, как, например, тот самый «красный пожар», во время которого казаки сжигают вражеские деревни, обнажают жестокость войны и внутреннюю борьбу человека. Огонь также олицетворяет страсть и разрушительные силы, которые ведут к личной и коллективной трагедии, когда они не контролируются. Григорий Мелехов, находясь в плену собственных эмоций, сгорая от желаний и ненависти, сам становится огнём, который разъедает его душу. Огонь становится губительной силой.

Архетипический мотив предзнаменования М. А. Шолохов реализует с помощью описания природных явлений: они создают определенную эмоциональную атмосферу, готовят читателя к восприятию событий человеческой жизни. Например, накануне известия о смерти Григория, которое получили Мелеховы, «по-вдовьему усмехнулось обескровленное солнце, ... тронутый желтизной, горюнился лес» [3].

Важно подчеркнуть, что в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» автор мастерски интегрирует фольклорные, религиозные и природные архетипические мотивы, создавая многослойное полотно, богатое символикой и глубокими философскими размышлениями. Эти архетипические элементы не только служат основой для построения сюжета, но и помогают читателю глубже понять культурные и исторические контексты, в которых разворачиваются события.

Фольклорные мотивы, пронизывающие текст, свидетельствуют о крепкой связи казаков с традициями и устоями, олицетворяя их идентичность и коллективное сознание.

Религиозные мотивы, в свою очередь, добавляют в произведение элемент сакральности, подчеркивая многоплановость существования главных героев. Они рассматривают моральные и этические дилеммы, возникающие на фоне исторических потрясений, а также отражают их поиски смысла жизни в условиях крайней нестабильности.

Архетипические мотивы стихий не только создают живописный фон для событий, но и становятся активными участниками драматургии, подчеркивая взаимосвязь человека и природы.

Анализ архетипических мотивов в романе «Тихий Дон» позволяет констатировать, что М. А. Шолохов создает уникальный литературный феномен, который, опираясь на богатейшее наследие фольклора, религии и мифологии, связанной с природой, ставит важнейшие вопросы о человеческой сущности, судьбе и месте человека в мире. Речь идет о своеобразной короткой дороге к сердцу читателя: знакомые сюжеты автоматически вызывают нужные эмоции. Этот синтез архетипических элементов делает произведение актуальным и значимым на протяжении многих лет, открывая новые грани интерпретации для исследователей и читателей.

Библиографический список

1. Кравченко, И. Н. Шолохов и фольклор / И. Н. Кравченко. – М. : Литературный критик, 1940. – 212 с.
2. Поль, Д. В. Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М. А. Шолохова : автореф. ...д-ра филол. наук / Д. В. Поль. – М., 2008. – 55 с.
3. Шолохов, М. А. Тихий Дон : в 4 кн. / М. А. Шолохов. – Ростов-н/Д. : Ростовское книжное издательство, 1968. – Кн. 1. – 351 с.
4. Шолохов, М. А. Тихий Дон : в 4 кн. / М. А. Шолохов. – Ростов-н/Д. : Ростовское книжное издательство, 1968. – Кн. 3. – 383 с.
5. Шолохов, М. А. Тихий Дон : в 4 кн. / М. А. Шолохов. – Ростов-н/Д. : Ростовское книжное издательство, 1968. – Кн. 4. – 445 с.
6. Юдин, В. А. Православно-христианский аспект эпопеи «Тихий Дон» (к постановке проблемы) / В. А. Юдин // Вестник ТГУ. – 2005. – № 2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavno-hristianskiy-aspekt-epopei-tihiy-don-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 14.04.2025).